

Tożsamość (w) przestrzeni

Сущность пространства

пространство сущности

Studia dedykowane

Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi

TOŻSAMOŚĆ (W) PRZESTRZENI

СУЩНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА /
ПРОСТРАНСТВО СУЩНОСТИ

SCRIPTA ŁUŻNIANA
Tom II

TOŻSAMOŚĆ (W) PRZESTRZENI

СУЩНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА /
ПРОСТРАНСТВО СУЩНОСТИ

Studia dedykowane
Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi

Pod redakcją
Matyldy Chrzęszcz,
Kseni Dubiel
i Heleny Duć-Fajfer

Kraków

Matylda Chrząszcz

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

✉ <https://orcid.org/0000-0003-4313-5995>

✉ matylda.chrzaszcz@uj.edu.pl

Ksenia Dubiel

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

✉ <https://orcid.org/0000-0002-7512-2235>

✉ ksenia.panas@uj.edu.pl

Helena Duć-Fajfer

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

✉ <https://orcid.org/0000-0001-9436-3846>

✉ helena.duc-fajfer@uj.edu.pl

© Copyright by individual authors, 2022

Recenzenci

dr hab. Andrzej Dudek, prof. UJ

Prof. Natalia Vesselova, University of Ottawa

Opracowanie redakcyjne

Irena Gubernat (j. polski), Yanina Ryier (j. rosyjski)

Projekt okładki

Lesław Sławiński

ISBN 978-83-8138-730-9 (druk)

ISBN 978-83-8138-731-6 (PDF)

<https://doi.org/10.12797/9788381387316>

Na okładce: mapa Moskwy, 1726 (www.rijksmuseum.nl)

Publikacja dofinansowana przez Wydział Filologiczny Uniwersytetu Jagiellońskiego

WYDAWNICTWO KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel.: 12 421-13-87; 12 431-27-43

e-mail: publishing@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: <https://akademicka.com.pl>

Fot. Barbara Szczukin

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'B. Szczukin'.

TABULA GRATULATORIA

- Zbigniew Babik, Uniwersytet Jagielloński
Vsevolod Bagno, Rosyjska Akademia Nauk /
Российская академия наук
Krzysztof Bak, Uniwersytet Jagielloński, Uni-
wersytet Sztokholmski / Stockholms
universitet
Katarzyna Bazarnik, Uniwersytet Jagielloński
Zofia Berdychowska, Uniwersytet Jagielloński
Krzysztof Bielawski, Uniwersytet Jagielloński
Piotr de Bończa Bukowski, Uniwersytet
Jagielloński
Dariusz Brodka, Uniwersytet Jagielloński
Jerzy Brzozowski, Uniwersytet Jagielloński
Renata Bura, Uniwersytet Jagielloński
Anna R. Burzyńska, Uniwersytet Jagielloński
Magdalena Wasilewska-Chmura, Uniwersytet
Jagielloński
Wojciech Chlebdą, Uniwersytet Opolski
Urszula Cierniak, Uniwersytet Humanistyczno-
Przyrodniczy im. Jana Długosza w Często-
chowie
Andrzej Dudek, Uniwersytet Jagielloński
Katarzyna Dybeł, Uniwersytet Jagielloński
Adam Fałowski, Uniwersytet Jagielloński
Lazar Fleishman, Uniwersytet Stanforda / Stan-
ford University
Dorota Gil, Uniwersytet Jagielloński
Pavel Glushakov, Ryga
Marek Hałaburda, Uniwersytet Papieski Jana
Pawła II
Agata Hołobut, Uniwersytet Jagielloński
Gabriella Elina Imposti, Uniwersytet Boloński /
Università di Bologna
Jadwiga Janaszek, Kielce
Maria Jodłowiec, Uniwersytet Jagielloński
Beata Kalęba, Uniwersytet Jagielloński
Jerzy Kapuścik, Uniwersytet Jagielloński
Lubov Kiselova, Uniwersytet w Tartu / Tartu
Ülikool
Jadwiga Kita-Huber, Uniwersytet Jagielloński
Anna Klimkiewicz, Uniwersytet Jagielloński
Maria Kłańska, Uniwersytet Jagielloński
Agnieszka Kocik, Uniwersytet Jagielloński
Alexandr Korablev, Doniecki Uniwersytet
Narodowy / Донецкий национальный
университет
Lesława Korenowska, Uniwersytet Pedagogicz-
ny w Krakowie
Lucyna Korycińska, Uniwersytet Jagielloński
Katalin Kroó, Uniwersytet Loránd Eötvös /
Eötvös Loránd Tudományegyetem
Olga Kuptsova, Moskiewski Uniwersytet Pań-
stwowy / Московский Государственный
университет
Halina Kurek, Uniwersytet Jagielloński
Tatjana Kuzovkina, Uniwersytet Talliński / Tal-
linna Ülikool
Andrzej de Lazari, Uniwersytet Łódzki
Bohdan Łazarczyk, Uniwersytet Jagielloński
Lidia Macheta, Uniwersytet Jagielloński
Dina Magomedova, Rosyjska Akademia Nauk /
Российская академия наук
Izabella Malej, Uniwersytet Wrocławski
Agnieszka Malska-Lustig, Uniwersytet
Jagielloński

- Elżbieta Mańczak-Wohfeld, Uniwersytet Jagielloński
- Maria Maślanka-Soro, Uniwersytet Jagielloński
- Gabriela Matuszek-Stec, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Michalak-Pikulska, Uniwersytet Jagielloński
- Roman Mnich, Uniwersytet Warszawski
- Galina Nefagina, Akademia Pomorska w Słupsku
- Arkadiy Neminushchiy, Uniwersytet Dyneburski / Daugavpils Universitāte
- Jakub Niedźwiedź, Uniwersytet Jagielloński
- Sylvia Nowak-Bajcar, Uniwersytet Jagielloński
- Ryszard Nycz, Uniwersytet Jagielloński
- Tereza Obolevitch, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II
- Magdalena Ochniak, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Oczkowska, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Olaszek, Uniwersytet Łódzki
- Alexander Ospovat, Uniwersytet Kalifornijski / University of California
- Agnieszka Palej, Uniwersytet Jagielloński
- Ewelina Pilarczyk, Uniwersytet Jagielloński
- Irina Prokhorova, Moskiewski Uniwersytet Państwowy / Московский Государственный университет
- Elżbieta Przybył-Sadowska, Uniwersytet Jagielloński
- Wacław Rapak, Uniwersytet Jagielloński
- Renata Rodak, Uniwersytet Jagielloński
- Rozalia Sasor, Uniwersytet Jagielloński
- Yuliya Sergo, Udmurcki Uniwersytet Państwowy / Удмуртский государственный университет
- Elżbieta Solak, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Sosień, Uniwersytet Jagielloński
- Elena Sozina, Uralski Uniwersytet Federalny / Уральский федеральный университет
- Ewa Stala, Uniwersytet Jagielloński
- Lidia Sudyka, Uniwersytet Jagielloński
- Jan Szczepaniak, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II
- Włodzimierz Szturc, Uniwersytet Jagielloński
- Dorota Szumska, Uniwersytet Jagielloński
- Stanisław Śnieżewski, Uniwersytet Jagielloński
- Wanda Świątkowska, Uniwersytet Jagielloński
- Marietta Turyan, Sankt Petersburg
- Anna Walczuk, Uniwersytet Jagielloński
- Jadwiga Waniakowa, Uniwersytet Jagielloński
- Halina Waszkielewicz, Uniwersytet Jagielloński
- Władysław Witalisz, Uniwersytet Jagielloński
- Natalia Vesselova, Uniwersytet Ottawski / University of Ottawa
- Grażyna Zając, Uniwersytet Jagielloński
- Marcin Ziomek, Uniwersytet Jagielloński

Spis treści

TABULA GRATULATORIA	5
BARBARA SZCZUKIN, MAŁGORZATA SZCZUKIN	
Biogram z bliskiej perspektywy nakreślony	7
HELENA DUĆ-FAJFER	
Wasilij Gieorgijewicz Szczukin – wszechstronny badacz i erudyta.....	11
SPIS PUBLIKACJI	19
WSTĘP.....	37
Введение	39
PRZESTRZEŃ GEOGRAFICZNA.....	41
ANDRZEJ ROMANOWSKI	
Pogranicze polsko-rosyjskie (do roku 1863). Zagadnienia i postacie	43
MAGDALENA DĄBROWSKA	
Ziemie niemieckie oczyma rosyjskich podróżopisarzy przełomu XVIII i XIX wieku – miejsca wspólne, miejsca różne (wokół <i>Listów Rosjanina podróżującego po Europie od 1802 do 1806 roku</i> Dmitrija Gorichwostowa)	55
Кристина Воронцова	
Польша в русской литературе постсоветского периода: обзор проблемы	67
Дечка Чавдарова	
Образ Коми в воспоминаниях болгарских строителей и лесорубов	77
Джон Даглас Клэйтон	
Гурзуф как <i>locus amoenus</i> в житнетворчестве А.С. Пушкина.....	89
Виктор Скрунда	
К истории русской меньшинственной идеи в межвоенной Польше (РОМ, 1934).....	101

PRZESTRZEŃ PSYCHOLOGICZNA	111
URSZULA TROJANOWSKA	
„Schody w pustkę” – przestrzeń i sen w opowiadaniu <i>Szatniarz</i> Jeleny Dołgopiat.....	113
Ксения Касаткина	
Психологическое пространство «подполья» в повести Ф.М. Достоевского <i>Записки из подполья</i>	125
Сергей Доценко	
Обезвельопал А.М. Ремизова как модель «внутренней эмиграции»...	139
Валерий Мильдон	
Эней и Анна. Пространства судьбы в <i>Энеиде</i> и <i>Анне Карениной</i>	151
Ксения Дубель	
Эго – Гео. Пространство личности или личность пространства? Заметки о ранних стихах Гео Шкурупия	163
MARIA MALEWSKA	
Pamięć i tożsamość w utworze Pavla Amnuela <i>Spowiedź</i>	173
PRZESTRZEŃ TEKSTUALNA	185
Аркадий Гольденберг	
Хронотоп праздника в метасюжете Гоголя	187
HELENA DUĆ-FAJFER	
Przestrzeń rosyjskości w literaturze łemkowskiej.....	201
Людмила Луцевич	
Хронотопический континуум поэмы Александра Пушкина <i>Цыганы</i>	217
Ольга Гриневич	
Полемика с усадебным текстом Л.Н. Толстого в романе М. Степновой <i>Сад</i>	231
Юрий Доманский	
Слово «сцена» в паратексте <i>Вишнёвого сада</i> А.П. Чехова. К вопросу о пространстве реально-художественном и пространстве реально-театральном в драматургическом тексте.....	243
Татьяна Автухович	
Экфрасис как способ формирования пространства смысла	255

PRZESTRZEŃ URBANISTYCZNA.....	267
KATARZYNA SYSKA	
O mitologii miasta w dramacie Jurija Kławdijewa	
<i>Obłok przypominający delfina.....</i>	<i>269</i>
BOGUSŁAW ŻYŁKO	
O pewnej reprezentacji wieczności (Uwagi o <i>Rzymie</i> Mikołaja Gogola).....	281
DZMITRY KLIABANAU	
Topos Rzymu jako element „mitu Husowskiego” Władzimira Arłoua	
(na materiale powieści <i>Czasy dżumy</i>).....	293
Михаил Строганов	
<i>Город пышный, город бедный</i> и его родственники	305
Павел Лавринец	
Поэтосфера Вильнюса как города храмов	317
Валентина Брио	
Вильнюсские дворики как особенный городской локус	329
Наталия Няголова	
Топос «города греха» в литературной урбанистике болгарской	
«оттепели». Предварительные заметки.....	343
Михаил Тимофеев	
Что делает наши ландшафты такими разными, такими	
привлекательными? (Английский индустриальный пейзаж	
XVIII-XX веков).....	355
PRZESTRZEŃ PODRÓŻY	367
MATYŁDA CHRZĄSZCZ	
Podróż do źródeł tożsamości. <i>Wschód</i> Andrzeja Stasiuka	369
MICHAŁ MILCZAREK	
<i>Wyspa</i> Gołowanowa albo o poszukiwaniu sensu w Arktyce.....	379
Александр Вавжинчак	
Путь как судьба. Повесть Виктора Астафьева <i>Перевал</i>	393

PRZESTRZEŃ WIZUALNA	405
Якуб Садовски	
Интеллигент в пространстве анимации. Мультфильмы по рассказам Эдуарда Успенского.....	407
Евгения Строганова	
Женщина с книгой в портретной живописи второй половины XVIII – первой половины XIX в. Модель и пространство. Заметки к теме	421
Наталья Мариевская	
Социальные пространства в динамике сюжета. Анализ драматургии современного фильма.....	435
Наталия Злыднева	
Концепт «путь-дорога» в русской живописи. наброски к теме	449
INDEKS OSÓB	461
Указатель имён.....	467

Аркадий Гольденберг

Институт русского языка и словесности Волгоградского
государственного социально-педагогического университета

Хронотоп праздника в метасюжете Гоголя

На ключевую роль праздника, определяющую принадлежность творчества Гоголя к традициям смеховой карнавальной культуры, пронизательно указал М.М. Бахтин в статье *Рабле и Гоголь*:

Украинская народно-праздничная и ярмарочная жизнь, отлично знакомая Гоголю, организует большинство рассказов в *Вечерах на хуторе близ Диканьки* – *Сорочинскую ярмарку*, *Майскую ночь*, *Ночь перед Рождеством*, *Вечер накануне Ивана Купала*. Тематика самого праздника и вольно-веселая праздничная атмосфера определяют сюжет, образы и тон этих рассказов. Праздник, связанные с ним поверья, его особая атмосфера вольности и веселья выводят жизнь из ее обычной колеи и делают невозможное возможным (в том числе и заключение невозможных ранее браков). И в названных нами чисто праздничных рассказах, и в других существеннейшую роль играет веселая чертовщина, глубоко родственная по характеру, тону и функциям веселым карнавальным видениям преисподней и дьяблериям [...]. Наконец, гоголевский смех в этих рассказах – чистый народно-праздничный смех. Он амбивалентен и стихийно-материалистичен. Эта народная основа гоголевского смеха, несмотря на его существенную последующую эволюцию, сохраняется в нем до конца¹.

Иными словами, праздник у Гоголя – это время нерегламентированного веселья, пространство абсолютной свободы. Однако природа народного

¹ М.М. Бахтин, *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*, Художественная литература, Москва 1975, с. 485-486.

праздника далеко не столь однозначна. Неотъемлемой частью сюжетов раннего Гоголя является прямое или косвенное участие в них выходцев с «того» света. И это отнюдь не «веселая чертовщина», как полагал М.М. Бахтин, а поистине космический «ужас» персонажей Гоголя, который уже в *Сорочинской ярмарке* «оковал всех»² перед демоническим миром как оборотной стороной пространства народного праздника. Смех неотделим в нем от страха.

Метасюжет Гоголя хронотопичен и тесно связан с народным праздничным календарем. В нем переплелись народные и христианские праздники: от повестей *Вечеров на хуторе близ Диканьки* (*Вечер накануне Ивана Купала*, *Ночь перед Рождеством*) до главы *Светлое Воскресение*, заключающей *Выбранные места из переписки с друзьями*, и сюжетных хронотопов первого и второго томов *Мертвых душ*.

Календарь народных праздников принадлежит к числу важнейших мифологических универсалий традиционной славянской культуры. Как замечает С.М. Толстая:

Будучи христианским по составу праздников, народный календарь остается мифологическим по своему содержанию. Даже крупные церковные праздники могут в народном восприятии утрачивать свой канонический христианский смысл³.

С народным календарем неразрывно связана семантика художественного времени у Гоголя. Уже в *Вечерах на хуторе близ Диканьки* фольклорные и церковные хрононимы, т.е. имена собственные точек и отрезков календарного времени, становятся не только названиями, но и сюжетными хронотопами гоголевских текстов. Их действие разворачивается на фоне или в преддверии праздника (*Вечер накануне Ивана Купала*, *Ночь перед Рождеством*), или в особом праздничном локусе (*Сорочинская ярмарка*).

Как показал В.Я. Пропп, «между основными праздниками, при всех их отличиях, имеется ясно ощутимое сходство»⁴. Ученый обратил особое внимание на тесную связь календарных народных праздников с обрядами

² Н.В. Гоголь, *Полное собрание сочинений и писем*: в 17 т., т. 1, сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева, Издательство Московской Патриархии, Москва 2009, с. 103.

³ С.М. Толстая, *Праздник* [в:] *Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах*, т. 4, ред. Н.И. Толстой, Международные отношения, Москва 2009, с. 239.

⁴ В.Я. Пропп, *Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования*, Терра-Азбука, Санкт-Петербург 1995, с. 22-23.

поминовения усопших. Они, по его наблюдениям, «имеют место во время святок, на масленицу, на Троицу, в радуницу и в некоторые другие сроки»⁵. Не менее существенной была их роль в переходных обрядах семейного цикла – родинных, свадебных, похоронных.

В поминальных обрядах общение покойных предков и их потомков носило двойственный характер: «Это одновременно и почитание, умиловление, и страх, опасение, охранительные действия, изгнание»⁶. Праздники были временем размыкания границы между миром живых и миром мертвых, активизации нечистой силы и интенсивного общения с усопшими родственниками. Оно было строго регламентировано поминальными днями, за пределами которых несло опасность миру живых. Особый страх вызывали умершие не своей смертью или похороненные с нарушением обряда «заложные покойники», попадавшие вследствие этого в услужение нечистой силе. С ними связан генезис большинства демонологических персонажей славянского фольклора.

Таким образом, время праздника было не только сакральным, но и чрезвычайно опасным для человека. «По народным представлениям, все праздники опасны, и чем крупней и „святей“ праздник, тем он опаснее [...]. Праздников люди боялись не меньше, чем нечистой силы», – замечает С.М. Толстая⁷.

Среди фольклорных обозначений праздников наиболее распространенным был хрононим «Святки». Так называли дни после главных церковных и народных праздников – Рождества, Пасхи, Троицы, Ивана Купалы. Рождество и Иван Купала относились к т.н. «межевым» праздничным дням, связанным с зимним и летним солнцестоянием и обозначающим середину каждого из полугодовых периодов. Перед ними

происходит нечто вроде открытия земли, преисподней, из которой вылезает вся нечисть, особенно опасная по ночам [...]. Святки, близкие по времени к зимнему солнцевороту, переключаются по обрядности и верованию в бесчинство нечистой силы с днем или, точнее, ночью накануне праздника Ивана Купалы⁸.

⁵ Там же, с. 22.

⁶ Л.Н. Виноградова, *Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян*, Индрик, Москва 2000, с. 148.

⁷ С.М. Толстая, *Праздник...*, с. 239.

⁸ Н.И. Толстой, *Времени магический круг (по представлениям славян)* [в:] *Логический анализ языка. Язык и время*, ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, др., Индрик, Москва 1997, с. 22-23.

Зимний святочный цикл, включающий Рождество, Новый год и Крещение, отличался своей универсальностью. И не только потому, что в его структуре произошло органичное наложение языческого и церковного календаря. Значительная часть обрядовых действий во время других календарных праздников (обходы, ряжение, смеховые похороны, поминовение усопших и др.) является заимствованием и перенесением зимних Святков. Не менее универсальную роль играют святочные мотивы в гоголевских текстах.

По народным поверьям, зимние Святки считались «опасными» днями как время наибольшего разгула демонических сил, потому что «Бог, радуясь рождению Сына, выпускает с „того света“ души умерших и всех чертей на волю [...] черти вредят людям уже в рождественский вечер, тогда „нечистые“ прилетают на землю, ведьмы скрадывают месяц и звезды»⁹.

В повести *Ночь перед Рождеством* они, в точном соответствии с этими мифологическими представлениями, посягают не только на душу человека, но и на весь Божий мир, похищая с неба звезды и месяц.

В сюжетном хронотопе повести *Майская ночь, или Утопленница* молодой Гоголь художественно переосмыслил полученные от родных сведения о примыкавшей к Троице Русальной неделе, которую в народе именовали «Зелеными Святками». Этот хрононим, судя по материалам *Книги всякой всячины*, был писателю хорошо знаком¹⁰. В рукописном сборнике *Песни, собранные Гоголем* есть украинская троичская песня, которая начиналась обрядовой формулой: «Ой, завью винки да на вси святки, / Ой, на вси святки, на вси празднычки»¹¹. Троица повсеместно считалась днем поминовения усопших. В канун Троицы поминали утопленников, а в конце Русальной недели совершался обряд «проводов / похорон русалки». Так, в Полесье вся эта неделя была посвящена утопленникам¹². Главная опасность в это время исходила от русалок: их «всягда баялися, ёни шо хатели, то и рабили на траецких святках»¹³.

Гоголевская запись *О мавках, малороссийских русалках* в его рукописной *Книге всякой всячины* содержит подробный рассказ о тех опасностях, которые подстерегают человека при встречах с русалками¹⁴. Сюжет о печаль-

⁹ Л.Н. Виноградова, А.А. Плотникова, *Святки* [в:] *Славянские древности...*, т. 4, с. 585-586.

¹⁰ Н.В. Гоголь, *Полное собрание сочинений и писем*: в 17 т., т. 9, с. 540.

¹¹ Н.В. Гоголь, *Полное собрание сочинений и писем*: в 17 т., т. 17, с. 88.

¹² Т.А. Агапкина, *Троица* [в:] *Славянские древности...*, т. 5, с. 323.

¹³ Цит. по: С.М. Толстая, *Полесский народный календарь*, Индрик, Москва 2005, с. 249.

¹⁴ Н.В. Гоголь, *Полное собрание сочинений и писем*: в 17 т., т. 9, с. 541-542.

ной судьбе девушки, не сумевшей отгадать загадки русалки, лежит в основе троицкой песни *Ой, бижыть, бижыть мила дивчинка*, имевшейся в гоголевском рукописном сборнике народных песен¹⁵. Повесть *Майская ночь* построена на инверсии песенного сюжета: Левко, угадавший среди играющих русалок мачеху-ведьму, получает от русалки-панночки награду. Она устраняет препятствия к его браку с Ганной.

Однако ни троицкие, ни русальные обряды в *Майской ночи* прямо не отразились. Более того, русалка-панночка выступает у Гоголя в роли сказочного чудесного помощника, а не опасной нечистой силы. Благодарный Левко сулит «доброй и прекрасной панночке» жизнь в раю: «Пусть тебе на том свете вечно усмехается между ангелами святыми!»¹⁶

Образ русалки в традиционной народной культуре носит амбивалентный характер, который связан с представлением о том, что «русалки вредят нарушителям ритуальных запретов, характерных для троицко-русального периода, и помогают тем, кто почитает их праздник и соблюдает все предписанные традицией нормы поведения»¹⁷.

Особый интерес представляют фольклорные свидетельства двойственного понимания природы русалок как «нечисти» и как «праведных, безгрешных душ». Местами их постоянной локализации на «том свете» называют «небо, рай, кладбища, могилы, куда они уходили после Русальной недели, или воду, море – как границу между „тем” и этим светом»¹⁸. Иными словами, отказавшись от приурочивания действия *Майской ночи* к конкретному календарному празднику, Гоголь сохранил мифологический контекст троицких Святков, играющий в повести сюжетообразующую роль.

По степени опасности коррелирует с зимними Святками праздник Ивана Купалы, когда справляет свои «святки» нечистая сила, в это время «нечистики там бегают»¹⁹. Для купальских дней характерны ритуальные ночные бесчинства.

Кажется неслучайным, что в Полесье бесчинства чаще всего приурочены к рождественскому [...] и купальскому циклу, т.е. к двум наиболее „опасным” отрезкам годового времени [...], отмеченным [...] разгулом нечистой силы»²⁰.

¹⁵ Н.В. Гоголь, *Полное собрание сочинений и писем*: в 17 т., т. 17, с. 87.

¹⁶ Н.В. Гоголь, *Полное собрание сочинений и писем*: в 17 т., т. 1, с. 180.

¹⁷ А.Н. Виноградова, *Народная демонология...*, с. 157.

¹⁸ Там же, с. 156.

¹⁹ Цит. по: С.М. Толстая, *Полесский народный календарь...*, с. 223.

²⁰ Там же, с. 394.

В сюжетном хронотопе повести *Вечер накануне Ивана Купала*, завершающейся гибелью главного героя, явственно нарушен праздничный регламент. Большинство обрядовых действий на Ивана Купалу имело охранительный и очистительный характер: сбор лечебных трав и цветов, плетение венков, ночные бесчинства, прыжки через костер, обливания, выслеживание ведьмы и уничтожение ее чучела. Герой повести, отправляясь ради любви к Пидорке на поиски «нечистого» клада, демонстрирует обрядовое антиповедение: он вступает в сговор с нечистой силой и вместо изгнания ведьмы подчиняется ей, убивая невинного Ивася. Показательно, что превращение потерявшего память Петра в «кучу пеплу» происходит в купальский вечер ровно через год, когда в его доме появляется ведьма. Уничтожение ведьмы как купальский обряд и упоминание Хомой Брутом при встрече со старухой Петрова поста, которым заканчивалась Русальная неделя, сближает время действия *Вия* и *Вечера накануне Ивана Купалы*²¹.

В сферу святочных хрононимов, активно используемых Гоголем, включен Филипповский, или Рождественский пост. В сборнике *Миргород* этот хрононим появляется в религиозном контексте. В судебной жалобе Ивана Никифоровича из *Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем* звучит травестированный мотив святочного жертвоприношения. Одно из преступлений «богомольного», по характеристике повествователя, Ивана Ивановича заключается в том, что «накануне Филипповки сей богоотступник купил барана и на другой день велел зарезать своей беззаконной девке Гапке, оговариваясь, аки бы ему нужно было на тот час сало на каганцы и свечи»²².

Но особую отмеченность Филиппов пост получает в *Мертвых душах*. В главе о Коробочке, в противовес летнему пейзажу, автором настойчиво вводятся календарные приметы зимних Святок. При ночной встрече помещицы с Чичиковым в ее речи неожиданно появляются зимние образы: «В какое это время вас Бог принес! Сумятица и вьюга такая...»²³. Приглашая Чичикова после договора о продаже мертвых душ вновь приехать к ней за покупками, помещица приурочивает их к святочному циклу народного календаря: «У меня о святках и свиное сало будет [...]. У меня к Филиппову посту будут и птичьи перья»²⁴.

²¹ См.: В.Д. Денисов, *Примечания* [в:] Н.В. Гоголь, *Миргород*, ред. В.М. Маркович, Наука, Санкт-Петербург 2013, с. 479.

²² Н.В. Гоголь, *Полное собрание сочинений и писем*: в 17 т., т. 2, с. 477.

²³ Н.В. Гоголь, *Полное собрание сочинений и писем*: в 17 т., т. 5, с. 45.

²⁴ Там же, с. 57.

Введение в поэму этих хрононимов актуализирует святочный контекст в *Мертвых душах* и указывает на тесную связь их мифопоэтики с календарной поминальной обрядностью. Осенний Филиппов пост непосредственно предшествовал Рождеству / Святкам, его канун, Пущенье, входил в цикл годовых поминальных дней, посвященных всем умершим предкам²⁵.

После заключения договора с Чичиковым о продаже мертвых душ следует сцена обильного угощения гостя блинами: «Нужно его задобрить: теста со вчерашнего вечера еще осталось, так пойти сказать Фетинье, чтоб спекла блинов; хорошо бы также загнуть пирог пресный с яйцом»²⁶. Блины – неотъемлемый атрибут поминального стола годового календарного цикла. Недаром Коробочка пытается «задобрить» этими блюдами Чичикова, играющего роль посредника между миром живых и миром мертвых. Как писал М.М. Бахтин:

В основе *Мертвых душ* – внимательный анализ раскрыл бы формы веселого (карнавального) хождения по преисподней, по стране смерти [...]. Внимательный анализ обнаружил бы здесь много традиционных элементов карнавальной преисподней, земного и телесного низа. И самый тип «путешествия» («хождения») Чичикова – хронотопический тип движения²⁷.

Если говорить о сюжетной типологии, то, совершая объезд помещиков для приобретения мертвых душ, Чичиков воспроизводит, как было отмечено нами в другой работе, структурную схему обрядовых обходов, хронотопически связанных со святочным обрядом колядования и лежащим в его основе дарообменом – вознаграждением за песенные благопожелания хозяевам дома колядовщиков, выступающих от лица покойных предков. В своей трагической ипостаси этот святочный архетип представлен во всех диалогах с помещиками, кроме главы о Ноздре, предложившего иной тип обмена. И если Манилов отдает своих покойников даром, то в остальных

²⁵ См.: С.М. Толстая, *Полесский народный календарь...*, с. 80, 87.

²⁶ Н.В. Гоголь, *Полное собрание сочинений и писем*: в 17 т., т. 5, с. 55.

²⁷ М.М. Бахтин, *Вопросы литературы и эстетики...*, с. 488-489. Глубокую теоретическую интерпретацию бахтинской концепции хронотопа см. в замечательном исследовании: В.Г. Щукин, *Ворота хронотопа* [в:] В.Г. Щукин, *Город и миф. Исследования в области геопоэтики*, ЛЕНАНД, Москва 2021, с. 75-84.

случаях дарообмен носит товарно-денежный характер, формально сохраняя верность обрядовому регламенту²⁸.

Однако у Гоголя происходит чудовищный разрыв формы и мифологического содержания обряда. Ведь «главная задача всей поминальной обрядности – окончательное восстановление четких границ между миром живых и миром мертвых»²⁹. Негоция Чичикова, напротив, лишает купленные души родовых связей и способствует несанкционированному вторжению «чужого» в мир живых, расширяя энтропийное пространство смерти. Приобретая мертвые души, которые на бумаге «будут прописаны как бы живые»³⁰, он не только отторгает от мира мертвых его часть, но и ставит под сомнение онтологический статус их владельцев, принадлежность персонажей поэмы миру живых. Показательно последнее сюжетное событие первого тома – смерть прокурора, умершего из-за толков о мертвых душах. Только после нее «с болезнованием узнали, что у покойника была, точно, душа, хотя он по скромности своей никогда ее не показывал»³¹.

В лирическом финале первого тома Гоголь приоткрывает читателям замысел продолжения поэмы, обещая «оживить» своих героев в последующих ее частях. Во многом именно этим обусловлен иной характер связей сюжетного и календарного времени во втором томе *Мертвых душ*. В нем, в отличие от ахронности природного календаря первого тома, время действия с календарем согласуется. Оно начинается ранней весной с приезда Чичикова к Тентетникову и завершается зимой – отъездом главного героя поэмы из города после краха его плутней и тюремных злоключений: «Дорога, должно быть, установилась, – говорит ему Селифан, – снегу выпало довольно»³².

Одной из ведущих сюжетообразующих линий второго тома становится, как и в *Вечерах на хуторе близ Диканьки*, свадебная тема, которая, в отличие от миражной интриги, связанной в первом томе с губернаторской дочкой, наполняется реальным содержанием. История духовного пробуждения Тентетникова под влиянием любви к Улиньке Бетрищевой, свадебные приготовления, деятельное участие в которых принимает Чичиков,

²⁸ См. подр.: А.Х. Гольденберг, *Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя*, 7-е изд., испр., ФЛИНТА, Москва 2021, с. 20-22.

²⁹ М.Д. Алексеевский, *Мотив оживания покойника в севернорусских поминальных причитаниях: текст и обрядовый контекст*, „Антропологический форум” 2007, № 6, с. 246.

³⁰ Н.В. Гоголь, *Полное собрание сочинений и писем*: в 17 т., т. 5, с. 51.

³¹ Там же, с. 203.

³² Там же, с. 365.

разворачиваются на фоне поэтических картин весенней природы, пронизанных брачной символикой:

Весна, долго задерживаемая холодами, вдруг началась во всей красе своей, и жизнь заиграла повсюду [...]. Вдруг населилась земля, проснулись леса, луга. В деревне пошли хороводы [...]. Рай, радость и ликованье всего! Деревня звучала и пела как бы на свадьбе³³.

Описания хороводов и игрищ с участием деревенских красавиц и Селифана позволяют соотнести их с Красной горкой, традиционным временем свадеб. Красную горку отмечали в воскресенье на Фоминой неделе. В народе бытовало представление, что в пасхальный период предки посещают землю и свои дома, а также справляют свою Пасху, получившую название Пасха мертвых. Поминальные обряды Фоминой недели должны были обеспечить умершим достойное пребывание на земле и благополучное возвращение на тот свет. Основным днем поминовения была Радуница, то есть вторник или понедельник на Фоминой неделе. В книге А.В. Терещенко *Быт русского народа* (1848), которую Гоголь внимательно изучал во время работы над вторым томом, дано подробное описание радуницких обрядов и связанных с ними верований. Терещенко, в частности, пишет: «Верят еще, что если в Радуницу случится представление света, то вышедшие из темниц [покойные предки – А.Г.] предстанут прямо в рай с поминающими их»³⁴.

Тема рая и вечной жизни была ведущей в мифологических представлениях этого календарного периода и связывалась в народном сознании с церковной символикой:

Бытовало убеждение, что душа человека, умершего в [...] течение пасхальной недели и даже в период от Пасхи до Вознесения избегнет мук и пойдет прямо в рай, причем это правило распространялось и на грешников [...]. Открытие райских врат для всех, как для праведников, так и для грешников, связывали иногда и с тем, что в течение Светлой недели в церкви открыты царские врата [...]. По другим представлениям, смерть, случившаяся на Пасху или

³³ Там же, с. 392-393.

³⁴ А. Терещенко, *Быт русского народа*, ч. V: *Простонародные обряды*, Типография военно-учебных заведений, Санкт-Петербург 1848, с. 29.

в течение пасхальной недели, свидетельствовала о праведности умерших, ибо только праведник мог умереть в такое время ³⁵.

И Красная горка, и Радуница входили в календарный цикл пасхальных праздников, лейтмотивом которых была тема воскресения Христа и духовного преображения человека. Вряд ли случайно автор поэмы наделил фольклорную картину весеннего пейзажа библейскими коннотациями: «Рай, радость и ликованье всего!» Так соединились в сюжетном хронотопе второго тома языческие и христианские мифологические концепты.

Концентрация пасхальных мотивов на страницах второго тома, рисующих картины «земного рая» (Ср. слова Тентетникова: «Судьба назначила мне быть обладателем земного рая, а я закабалил себя в кропатели мертвых бумаг»³⁶), наряду с прямым фольклорным контекстом может быть спроецирована на хронотоп поэмы Данте *Божественная комедия*, протагонистом которой является ее автор. Дантовский путь воспроизводит основной сюжет главного христианского праздника и его новозаветного прототипа: в Страстную Пятницу 1300 г. Данте начинает свой спуск в царство вечной смерти, утром Пасхи выходит на поверхность южного полушария, как бы воскресая к новой жизни.

Духовное воскрешение протагониста поэмы Гоголя должно было произойти в третьем ее томе. В сохранившемся тексте заключительной главы второго оно лишь намечено: Чичиков «полупробужденными силами души, казалось, что-то осязал»³⁷. Однако в ряду пробудившихся к новой жизни под влиянием любви персонажей здесь можно назвать не только Тентетникова, но и чичиковского Селифана.

Заявленная уже в самом начале второго тома, игравшего, вероятно, в трехчастном замысле Гоголя место *Чистилища*, тема «земного рая» отдельными своими чертами соотносится с дантовской топикой. Приведу лишь один пример. У Данте в трех песнях *Чистилища* «земной рай» представлен плясками прекрасных дев. Беатриче помещает поэта «Меж четырех красавиц в хоровод, / И каждая меня рукой укрыла»³⁸. Сходный образный ряд присутствует в одной из самых поэтичных картин второго тома – опи-

³⁵ Т.А. Агапкина, *Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл*, Индрик, Москва 2002, с. 290.

³⁶ Н.В. Гоголь, *Полное собрание сочинений и писем*: в 17 т., т. 5, с. 381.

³⁷ Там же, с. 473.

³⁸ Алигьери Данте, *Божественная комедия*, пер. М.А. Лозинского, Наука, Москва 1968, с. 298.

сании деревенских хороводов с участием Селифана и завороживших его деревенских красавиц: «Во сне и наяву, утром и в сумерки, все мерещилось ему потом, что в обеих руках его белые руки и движется он в хороводе»³⁹ [выделено мною. – А.Г.]. Не исключено, что в этой гоголевской картине проступает своеобразная реминисценция из поэмы Данте.

Откликаясь на сообщение А.О. Смирновой-Россет, что Гоголь, «вероятно, поселится на Афонской горе и там будет кончать „Мертвые души“», Иван Аксаков писал своим родным 9 июля 1850 г.:

Как ни подымайте высоко значение искусства, а все-таки это нелепость, по моему: среди строгих подвигов аскетов он будет изображать ощущения Селифана в хороводе и грезы о белых и полных руках и проч.⁴⁰

Совместимость хронотопов народного и христианского праздника на уровне поэтики *Мертвых душ* представлялась Аксакову невозможной.

Однако для Гоголя-художника она была источником развития внутреннего сюжета его творчества. Сделав свадьбу, совершающуюся при помощи нечистой силы, ключевой сюжетной парадигмой *Вечеров*, противопоставив в *Миргороде* идиллический брачный сюжет *Старосветских помещиков* демоническому в *Вии*, придав фантасмагорический характер свадебным мотивам в *Петербургских повестях*, *Ревизоре* и *Женитьбе*, в сюжетном развитии последней своей поэмы он связал свадебную тему с замыслом духовного преображения ее героев.

В терминах народного христианского календаря метасюжет Гоголя может быть осмыслен и описан как переход от Святков / Рождества к Радунице / Пасхе.

Его соотнесенность с народными праздниками и хронотопом дантовской поэмы свидетельствует не только о синтезе различных культурных традиций, но и о стремлении писателя обозначить духовный вектор своего творчества, указать на его универсально-символический и всемирно-исторический смысл.

³⁹ Н.В. Гоголь, *Полное собрание сочинений и писем*: в 17 т., т. 5, с. 395.

⁴⁰ И. Аксаков, *Письма к родным. 1849-1856*, изд. подг. Т.Ф. Пирожкова, Наука, Москва 1994, с. 158.

Библиография

- Агапкина Т.А., *Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл*, Индрик, Москва 2002.
- Агапкина Т.А., *Троица* [в:] *Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах*, т. 5, ред. Н.И. Толстой, Международные отношения, Москва 2012.
- Аксаков И., *Письма к родным. 1849-1856* изд. подг. Т.Ф. Пирожкова, Наука, Москва 1994, *Литературные памятники*.
- Алексеевский М.Д., *Мотив оживления покойника в севернорусских поминальных причитаниях: текст и обрядовый контекст*, „Антропологический форум” 2007, № 6.
- Бахтин М.М., *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*, Художественная литература, Москва 1975.
- Виноградова Л.Н., *Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян*, Индрик, Москва 2000.
- Виноградова Л.Н., Плотникова А.А., *Святки* [в:] *Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах*, т. 4, ред. Н.И. Толстой, Международные отношения, Москва 2009.
- Гоголь Н.В., *Полное собрание сочинений и писем: в 17 т., сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева*, Издательство Московской Патриархии, Москва 2009-2010.
- Гольденберг А.Х., *Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя*, 7-е изд., испр., ФЛИНТА, Москва 2021.
- Данте Алигьери, *Божественная комедия*, пер. М. Лозинского, Наука, Москва 1968, *Литературные памятники*.
- Денисов В.Д., *Примечания* [в:] Н.В. Гоголь, *Миргород*, ред. В.М. Маркович, Наука, Санкт-Петербург 2013, *Литературные памятники*.
- Пропп В.Я., *Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования*, Терра – Азбука, Санкт-Петербург 1995.
- Терещенко А., *Быт русского народа*, ч. V: *Простонародные обряды*, Типография военно-учебных заведений, Санкт-Петербург 1848.
- Толстая С.М., *Полесский народный календарь*, Индрик, Москва 2005.
- Толстая С.М., *Праздник* [в:] *Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах*, т. 4, ред. Н.И. Толстой, Международные отношения, Москва 2009.

Толстой Н.И., *Времени магический круг (по представлениям славян)* [в:] *Логический анализ языка. Язык и время*, ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, др., Индрик, Москва 1997.

Щукин В.Г., *Город и миф: Исследования в области геопоэтики*, ЛЕНАНД, Москва 2021.

ABSTRACT

The Chronotope of the Holiday in Gogol's Metaplot

The importance of folk holidays, which determine the belonging of Gogol's work to the traditions of laughter carnival culture, was substantiated by M. Bakhtin in his article *Rabelais and Gogol*. The scientist interpreted Gogol's festive chronotopes as a time of unregulated fun, a space of absolute freedom. Modern folklore and ethnographic research has revealed a more complex emotional and structural nature of the folk festival, in which laughter is inseparable from the fear of "people returning from the after-life", abundantly represented in Gogol's prose. The article, in contrast to the concept of M. Bakhtin, focuses on this aspect of Gogol's chronotope, traces its close connection with the rites of remembrance of the dead, actualizing the central ontological problem of the writer's creativity – alive and dead soul. The permeability of the boundaries between the world of the living and the world of the dead in the *Evenings*, *Mirgorod*, the first volume of *Dead Souls*, is due to the dominance of the Christmas chronotope and its calendar modifications. In the second volume of *Dead Souls*, the Easter chronotope of spring folk holidays, associated with the spiritual awakening of its heroes under the influence of love, comes to the fore. In terms of the popular Christian calendar, Gogol's metaplot can be interpreted and described as a transition from Svyatki / Christmas to Radunitsa / Easter.

Keywords: Gogol, Bakhtin, chronotope, folk holiday, laughter, fear, metaplot

Ключевые слова: Гоголь, Бахтин, хронотоп, народный праздник, смех, страх, метасюжет

Tom jubileuszowy, który oddajemy do rąk czytelnika, stanowi wyraz najwyższego uznania wobec imponującego dorobku naukowego oraz wdzięczności za lata działalności dydaktycznej Pana Profesora Wasilija Szczukina. Publikacja jest próbą odzwierciedlenia szerokiego spektrum zainteresowań badawczych Jubilata, oscylujących wokół historii literatury i kultury rosyjskiej, metodologii badań literackich, poetyki sztuki totalitarnej, a także szeroko rozumianej geografii humanistycznej; osadza jednocześnie te pojęcia w kontekście macierzystym badacza – to jest fenomenów przestrzeni i tożsamości. Z wielką radością pragniemy podkreślić, że niniejsza księga, na którą złożyły się teksty wielu wybitnych badaczy literatury, sztuki i kultury, pragnących uhonorować Profesora Szczukina, stanowi platformę do wymiany myśli naukowców reprezentujących ośrodki naukowo-akademiczne między innymi w Polsce, Izraelu, Bułgarii, Kanadzie, Stanach Zjednoczonych, Rosji, na Litwie i Białorusi, co należy uznać za jawne świadectwo swoistej niezależności nauki i jej niepodlegania różnorodnym ograniczeniom, które w danym czasie i danej przestrzeni mogą hamować kontakty i zaburzać procesy konsolidacyjne na bazie twórczej wymiany.

<https://akademicka.pl>

ISBN 978-83-8138-730-9

